

Kirčanov, Maksim Valer'jevič

**Историческое воображение российского постмодернизма в прозе
Владимира Шарова**

Opera Slavica. 2021, vol. 31, iss. 3, pp. 17-28

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2021-3-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/144526>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Историческое воображение российского постмодернизма в прозе Владимира Шарова

Historical Imagination of the Russian Postmodernism in Prose of Vladimir Sharov

Максим Валерьевич Кирчанов

(Воронеж, Россия)

Абстракт:

Автор анализирует формы исторического воображения в прозе Владимира Шарова. Предполагается, что Владимир Шаров не стремится объективно конструировать образы исторического процесса. Автор полагает, что проза В. Шарова фактически стала формой имитации, симуляции, конструирования или пародирования истории. Показано, что история в прозе В. Шарова интертекстуальна и связана с другими формами и проявлениями интеллектуальных активностей. Автор полагает, что В. Шаров отвергал веру в прогресс и не признал универсальность прогрессивного исторического развития. В целом, автор полагает, что универсальной формой исторического воображения в прозе В. Шарова стал исторический ревизионизм, который вдохновил новые интеллектуальные практики и стратегии деконструкции истории через конструкцию и воображение прошлого как его изобретение.

Ключевые слова:

Владимир Шаров; постмодернизм; проза; история; ревизионизм; историческое воображение

Abstract:

The author analyzes the forms of historical imagination in the prose of Vladimir Šarov. It is assumed that Vladimir Šarov did not seek to construct images of the historical process objectively. The author believes that V. Šarov's prose actually became a form

of imitation, simulation, and construction or parody of history. It is shown that the history in V. Šarov's prose is intertextual and connected with other forms of intellectual activities. The author believes that V. Šarov rejected faith in progress and did not recognize the universality of progressive historical development. In general, the author believes that historical revisionism became the universal form of historical imagination in texts of Vladimir Šarov, who inspired new intellectual practices and strategies for the deconstruction of history through the construction and imagination of the past on forms of its invention.

Key words:

Vladimir Šarov; postmodernism; prose; history; revisionism; historical imagination

Цель и задачи статьи

В историографии неоднократно высказывались предположения, что российская литература имела непростые отношения с русской историей. Проза российского писателя Владимира Шарова (1952–2018)¹, несмотря на то, что она не может быть определена как историческая, отражает особенности воображения и изобретения истории в постмодернизме как культурном явлении. В центре авторского внимания в этой статье будут проблемы исторического воображения и изобретения русской истории в прозе В. Шарова. Поэтому, целью статьи является анализ основных проявлений и особенностей конструирования истории, а задачами — изучение тактик воображения и анализ стратегий деконструкции русской истории.

Формы и пути конструкции «истории» в прозе В. Шарова

Особое место в историческом воображении В. Шарова занимали идеи религиозности, которые были чрезвычайно гетерогенны. По мнению некоторых историков, «до распада СССР не менялись содержательные, методологические

1 AŠČEULOVA, I. V.: *Semejnaja chronika kak formirovanije istoričeskoj pamjati pokolenij v romane V. Šarova «Sled v sled»*. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, 2013, № 2 (130), s. 48–53; KĪRČANAŪ, M. V.: *Topas ruchu jak pastajannaha vjartannja ŭ proze ruskaha i belaruskaha postmadernizmu (na prykladze tēkstaŭ Uladzimira Šarova i Viktara Marcinoviča)*. In: ARCJAMENAK, H. A.: *Belaruskaja mova i litaratura ŭ slavjanskim ētnakul' turnym kantēksece*. Vicebsk: VDU imja P. M. Mašerava, 2019, s. 166–169.

и терминологические модели интерпретации истории»² в то время, как его падение стало стимулом для индивидуальных и коллективных «вспоминаний», которые вдохновили альтернативные попытки исторического воображения. В этом контексте тексты В. Шарова стали не только художественными произведениями, но и попытками предложить новые формы исторического видения. Примечательно то, что В. Шаров как постмодернист фактически конструировал историю ситуативно, воспринимая ее как несколько параллельно и одновременно воображаемых и изобретаемых «нервных и взвинченных» историй³, отрицая возможность выработки ее философии, полагая, что «философии нашей истории нет и не может быть, есть только ее теология»⁴. Поэтому В. Шаров стремился преодолеть отсутствие в русской истории человека, столь активно населяя свои тексты многочисленными персонажами, понимая, что роль и место человека в историческом процессе сводится к следующему: «человек рухнул как подкошенный. Он понял, что он трава. Он понял, что вокруг луг. Он понял, что уже время. Время сенокоса»⁵. Актуализируя эту особенность российской истории, как истории дегуманизированной и как «земной и очень малопривлекательной»⁶, В. Шаров скептически оценивал то отношение к прошлому, которое возникло в советской историографии, ставившей под сомнение безальтернативность истории и склонность власти к проведению исторических и социальных экспериментов.

В ранней прозе В. Шаров также актуализировал и суицидальные измерения российской истории, сравнивая российский исторический процесс как с движение назад, так и с крышей, наполненной людьми, которые «идут по делам или просто гуляют. Мои симпатии на стороне первых... они идут прямо и когда доходят до края крыши, прыгают. В их прыжках есть сила, напор, расчет, стремительность и деловитость»⁷. Комментируя восприятие истории в текстах В. Шарова, Михаил Эпштейн полагал, что Шаров в своей прозе и публицистике действовал как «историк не только по образованию, но и по мироощущению. Он чувствовал историю органически... открыв своими

2 LINDNER, R.: *Njasmennasc' i zmeny ŭ postsaveckaj historyjahrafi Belarusi*. Kantakty i dyjalohi, 1996, № 3, s. 25.

3 ŠAROV, V.: *Voskřešenje Lazarja*. Moskva: Vagrius, 2003, s. 8.

4 ŠAROV, V.: *Vozvraščeniye v Jegipet. Roman v pis'mach*. Moskva: Izdatel'stvo AST – Redakcija Jeleny Šubinoj, 2015, s. 358.

5 ŠAROV, V.: *O «Zapisnych knižkach» Andreja Platonova*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revoljucijej (russkaja verchovnaja vlast')*. Ėsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 62.

6 ŠAROV, V.: *O syr'jevych i nesyr'jevych stranach (pis'mo Aleksandru Ètkindu)*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenije: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik ėsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 191.

7 ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga tret'ja. Do i vo vremja*. Moskva: ArsisBook, 2009.

романами огромную историческую тему: Россия как новый Израиль, Москва как четвертый Иерусалим... Шаров открыл эту тему и по сути закрыл ее, его безвременный уход завершил целую эпоху... Владимир Шаров работал с глубинными матрицами российской истории, сочетавшими ветхозаветное, новозаветное, сектантское, богоборческое, атеистическое... Шаров был первым, кто освоил эту многоматричность российской истории... глубинная цикличность российской истории становится у Шарова мощным орудием художественной герменевтики и искусства многослойной интерпретации»⁸. Поэтому В. Шаров и признавал то, что некоторым интеллектуалам в XX веке история России казалась ненормальной и аномальной, что привело, с одной стороны, к отрицанию некоторых культурных явлений советского периода, включая наследие А. Платонова, недоверие к которому или отрицание вклада которого привели к попыткам «выстроить жизнь так, будто революции вообще не было»⁹. Революция некоторыми героями ранней шаровской прозы воспринималась как «сумасшествие» и аномалия, при которой общество теряло «вкус к нормальной жизни. Все стало казаться пресным, пустым, недостойным, ни в чем не было удали, размаха, и Бога тоже не было»¹⁰.

В связи с этим В. Шаров подчеркивал, что «я воспитан людьми, которые верили, что экспериментальность истории есть морок и наваждение абсолютной власти... мы не способны, будто в лаборатории, менять те или иные параметры... потому что история — это река, которую никогда и никак не остановить... экспериментальность истории — приговор пути человека к Богу»¹¹. Эта особенность текстов В. Шарова неоднократно отмечалась критиками. Например, М. Эпштейн полагал, что «российская история, остававшаяся “священной” в советское время, в 21 веке стремительно десакрализуется, не оставляя места для грандиозных теолого-эстетических конструкций... удивительно и обидно, что почти во всех газетных некрологах о Владимире Шарове повторяется одна и та же фраза: “Писателя называли провокатором за сравнение большевизма с православием”. Ничего провокационного в этом сравнении нет»¹².

8 ĚPŠTEJN, M.: *Letopisec Svjaščennoj istorii*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenie: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik esse. Moskva: ArsisBook, 2018.

9 ŠAROV, V.: *Oktjabr' semnadcatogo goda i konec istorii*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenie: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik esse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 206.

10 ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga tret'ja. Do i vo vremja*. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 196–197.

11 ŠAROV, V.: *Perepiska Ivana Groznogo s Andrejem Kurbskim*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenie: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik esse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 146.

12 ĚPŠTEJN, M.: *Letopisec Svjaščennoj istorii*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenie: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik esse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 279.

Анализируя более ранние попытки осмысления особенностей российской истории В. Шаров, с одной стороны, не только полагал, что «русские заморожены своей историей, ее повторяемостью, предсказуемостью, неотвратимостью, закономерностью»¹³, но и настаивал на том, что в русской интеллектуальной и историографической традиции сложились только три точки зрения на историю, а именно — славянофильская, государственно-юридическая и марксистская, которые, несмотря на все их формальные особенности и отличия, базировались на «простейших и внешне самоочевидных аналогиях и противопоставлениях: прогрессивное — реакционное, единое государство — уделы, государственное начало — антигосударственное начало, централизация — децентрализация»¹⁴.

Завороженность и увлеченность русских собственной историей, по мнению В. Шарова, проявилось и в болезненной склонности интеллектуалов проводить параллели между различными историческими событиями, проецируя события, например, гражданской войны на историю России периода правления Ивана Грозного¹⁵. С другой стороны, В. Шаров осознавал политические мотивы исторических интерпретаций и комментируя последние, подчёркивал, что «русская политика — это некая абстракция, школьник, повторяющий слова учителя, девочка, пеленающая куклу»¹⁶. Все эти концепты, которые в историографии успели стать ее общими местами и гранд-нарративами, В. Шарову, как профессиональному историку, были хорошо знакомы, но в этой интеллектуальной и культурной ситуации историк В. Шаров, будучи писателем-постмодернистом, не видел ничего предосудительного в том, чтобы все эти нарративы подвергать не только ревизии, но пытаться их радикально демонтировать и деконструировать из тех форм идентичностей и исторического сознания, которые возникли в России к началу 1990-х годов. Комментируя особенности исторического процесса в России, В. Шаров актуализировал роль как избирательности исторической памяти, так и особенностей вспоминания прошлого, что предусматривало активные попытки общества вычеркнуть из

13 ŠAROV, V.: *Zapisi deda*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach*. Kniga vtoraja. *Iskušeniye revoljucij (russkaja verchovnaja vlast')*. Ėsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 170.

14 ŠAROV, V.: *Verchovyje revoljucii*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach*. Kniga vtoraja. *Iskušeniye revoljucij (russkaja verchovnaja vlast')*. Ėsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 111.

15 ŠAROV, V.: *Perepiska Ivana Groznogo s Andrejem Kurbskim*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenije: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik ėsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 139.

16 ŠAROV, V.: *Zapisi deda*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach*. Kniga vtoraja. *Iskušeniye revoljucij (russkaja verchovnaja vlast')*. Ėsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 159.

коллективной памяти ошибки власти, параллельно преувеличивая ее успехи и достижения¹⁷.

По мнению В. Шарова, отношения между властью, определяемой как «самозванная»¹⁸, и обществом в исторической перспективе, представляли собой богословский спор, который редуцировал историю, превращая ее в ответвление или продолжение богословия¹⁹, что актуализирует дискретность и фрагментарность исторического процесса, где «целые годы буквально съедены»²⁰. Как постмодернист, с одной стороны, и как историк, с другой, В. Шаров был вынужден констатировать, что и русская идентичность и историческая память, как ее производная, не избежала процессов эрозии и секуляризации. Герои романа «Возвращение в Египет», которые принадлежали к различным сектантским группам, толкам и течениям не только не имеют представлений о прошлом, которые характерны для человека эпохи модерна, но и проявляли тревогу относительно перспектив секуляризации, редуцируемой ими до «святой тревоги», которая проявлялась в понимании и осознании ими того, что «рядом нет Бога, он ушел от тебя, ушел из твоего дома, вообще ушел из мира»²¹.

История в прозе В. Шарова актуализировала качества игры и коллективного перформанса — в этой ситуации некоторые герои шаровских текстов воспринимают историю, в целом, как «жестокий и очень страшный карнавал» и революцию, в частности, как «неизбежную» и «вещь сложную и отчасти карнавальную»²². Перформанс русской революционной традиции, как полагал В. Шаров, стал результатом особенностей истории элит, «которые оставались детьми на троне». Поэтому и политика Ивана Грозного «лежала на стыке государственной реформы, игры и эксперимента», и советская модель тоталитаризма стала «глубоко и непоправимо игровой»²³. В этой ситуации некоторые герои зрелой шаровской прозы воспринимали «Бога, коммунизм и другие

17 ŠAROV, V.: *Meždu dvuch revoljucij (Andrej Platonov i russkaja revoljucija)*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revoljucijej (russkaja verchovnaja vlast')*. Èsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 38.

18 ŠAROV, V.: *Verchovnye revoljucii*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revoljucijej (russkaja verchovnaja vlast')*. Èsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 105.

19 ŠAROV, V.: *Vozvraščeniye v Jëgipet. Roman v pis'mach*. Moskva: Izdatel'stvo AST — Redakcija Jeleny Šubinoj, 2015, s. 484.

20 ŠAROV, V.: *Voskrešeniye Lazarja*. Moskva: Vagrius, 2003, s. 18.

21 ŠAROV, V.: *Vozvraščeniye v Jëgipet. Roman v pis'mach*. Moskva: Izdatel'stvo AST — Redakcija Jeleny Šubinoj, 2015, s. 45.

22 Там же, с. 48, 321, 595.

23 ŠAROV, V.: *Perepiska Ivana Groznogo s Andrejem Kurbskim*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenije: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik èsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 159.

идеи» как «странное смешение детских болезней и детских же игр»²⁴ в то время, как ранние персонажи осознавали факт своего самозванства, понимая, что «не Бог, а они сами избрали себя»²⁵. Несмотря на тенденции секуляризации и интеграции классиков марксизма-ленинизма и религиозных пророков в одну систему координат, сектантские герои прозы В. Шарова стремились монополизировать именно за теми группами, толками и сообществами, к которым они принадлежали, статус избранного народа, новых евреев, которые не только не сотрудничают с «властью антихриста», но «молясь, меряют ногами нескончаемую дорогу и ждут, что вот однажды вострубит великая труба»²⁶.

Герои прозы В. Шарова в ряде случаев имели и вовсе антиисторическое сознание, отрицая культурное, социальное и историческое время, редуцируя саму категорию времени только до тех границ, которые предлагало христианство — в этой ситуации Кормчий, один из героев романа «Возвращение в Египет», «не ценит прошлого, знает за ним только один грех»²⁷, что фактически стало формой редукции исторической памяти, которая предусматривала маргинализацию сюжетов, не связанных с религиозным канонам. Поэтому восприятие истории героями романа «Возвращение в Египет» в значительное степени дискретно, а история в прозе В. Шарова основывается на разрывах и провалах, практически не актуализируя такие качества как преемственность и континуитет. Поэтому, дядя Петр и дяде Ференц, герои «Возвращения в Египет», вынуждены признавать, что российская историческая память имеет короткую генеалогию: «вера наша покоится на чудесах, без них мы о Боге и не вспомним. Сорока дней не вытерпим, станем плясать на костях... не пройдет двух поколений мы снова решим, что нас вели не так и все порушим» и полна разрывов и логических провалов, особенно, в культурной и литературной истории: «вся русская литература вышла из гоголевской “Шинели”. Что касается советской, то неверно. Советская родилась из второй, сожженной части “Мертвых душ”»²⁸ — в этой ситуации археологию ее идей проследить крайне сложно или практически невозможно.

В. Шаров в своей прозе актуализирует и такое качество русской истории как не только дискретность, но и зависимость развития от внешних и внутренних

24 ŠAROV, V.: *Voskřešenje Lazarja*. Moskva: Vagrius, 2003, s. 135.

25 ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga tret'ja. Do i vo vremja*. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 229.

26 ŠAROV, V.: *Vozvraščenie v Jegipet. Roman v pis'mach*. Moskva: Izdatel'stvo AST — Redakcija Jeleny Šubinoj, 2015, s. 47, 50.

27 Там же, с. 45.

28 Там же, с. 330.

факторов. В этой ситуации дядя Артемий, один из шаровских героев, вынужден признавать, что для русской истории характерна «страшная зависимость народа от чуда. Трудность несамостоятельного пути... отсюда страх, что чудеса кончатся»²⁹. В такой системе интеллектуальных координат, предложенной В. Шаровым для своих героев, которые фактически являются носителями утопического сознания, «борьба со злом» не более чем «дурная утопия»³⁰, а революция воспринимается ими не как политическое, но как религиозное и нравственное явление, порожденное, с одной стороны, кризисом имперской модели, которая отделяла человека от его индивидуальности и уникальности — «человек в лоне империи — часть целого, отпеванием и похоронами ничего не заканчивается. Государство еще долго будет его держать, не отпуская в смерть, щедро наделяя пажитями и сенокосами... государство — прагматик в подобных вещах», а, с другой, «высокомерием священства»³¹, что свидетельствует о попытках В. Шарова конструировать историю толков и течений российского старообрядчества и религиозного сектанства, проецируя на нее «общие места» из историографической традиции, которая сложилась в рамках изучения протестантизма.

Вероятно, именно в различных стратегиях восприятия, понимания и прочтения времени В. Шаров был склонен искать не только особенности социальной, культурной и религиозной истории России, но и противоречия между государством и обществом — если последнее стремилось не только определять и контролировать как ход времени, так и развитие во временной перспективе веры, то общество было склонно ставить эту монополию государства под сомнение, что превращало историю России не только в гетерогенную с точки зрения ее участников, но и множественную во временно перспективе, то есть по скорости протекания и изменения культурного, религиозного и социального времени в российском историческом воображении. История, по мнению белорусского философа Валянца Акудовича могла быть «политическим товаром только в логоцентричном обществе, в обществе пост-модерна история становится практически ненужной»³², что фактически санкционирует литературные манипуляции с прошлым в рамках большого постмодернистского дискурса.

29 Там же, с. 406.

30 Там же, с. 54.

31 Там же, с. 68, 337.

32 *Navuka i stratèhii pracy z minulym. Dyskusija ŭ mežach seminara «Sučasnaje belaruskaje myslenie». Īnstitut sacyjalohii, Īnstitut filasofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda. Palityčnaja sfera, 2006, № 6, s. 47.*

Именно значительная роль религии и стремление идти особым историческим путем, по мнению В. Шарова, и институционализировали как исторические, так и культурные особенности России, которые были разнообразны и гетерогенны. С одной стороны, Россия интегрировала нерусские группы, ассимилируя их в своих архаичных социальных и политических структурах — именно поэтому «в 19 веке немцы в России обрусели в том смысле, что стали говорить по-французски и приобрели крепостных»³³. С другой стороны, эта особенность исторического процесса отразила и еще одну особенность российской истории, которая в большей степени нашла отражение в публицистике В. Шарова, полагавшего, что именно государственно-юридическая школа была столь успешна в интерпретациях российской истории как истории «государства без права», а православие не стало фактором, отделившим Россию от Запада в силу того, что «сами русские отделили себе религию, чтобы стать народом. При общей неразвитости жизни только религия могла выделить их из других и сделать народом»³⁴.

Как полагает современный белорусский историк А. Ластовски, если в истории того или иного сообщества присутствует что-то «нечто негативное, как тяжесть и отклонение от "нормального" пути, то перед элитами и обществом неизбежно встает задача прощания с наследием и преодоления негативного опыта, исправления собственной траектории развития»³⁵, что нередко происходит не в рамках академической историографии, но в литературных контекстах. Деконструируя мифы русской исторической памяти В. Шаров в своей прозе «обыгрывал» и веру русских националистов в особую роль государства, вынуждая своих героев транслировать серийные нарративы русского национализма о том, что «без властной вертикали России трудно. Она — ее каркас, ее ребра жестокости»³⁶, что фактически было попыткой подвергнуть ревизии коллективную веру в государство как основного актора исторического процесса. Генезис этой идеи в постмодернистской версии исторического воображения в прозе В. Шарова локализовался не в кризисе Церкви как веры, но в политике государство относительно верующих, которая стимулировала различные формы религиозного, социального и культурного

33 ŠAROV, V.: *Zapisi deda*. In: ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revoljucijej (russkaja verchovnaja vlast')*. Ėsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 164.

34 Там же, с. 168.

35 LASTOŤSKĪ, A.: *Prapracoŭka kamunistyčnaha minulaha ŭ Slavakii: asnoŭnyja faktary i dynamika. Palityčnaja sfera*, 2016, № 24 (1), s. 37

36 ŠAROV, V.: *Vozvraščeniye v Ėgipet. Roman v pis'mach*. Moskva: Izdatel'stvo AST — Redakcija Jeleny Šubinoj, 2015, c. 68.

эскапизма, вынуждая сторонников религиозного фундаментализма настаивать на «антихристовом»³⁷ характере светской власти.

Предварительные выводы

Владимир Шаров в своей прозе, которая не может быть определена как историческая, не стремится к объективному отображению исторического процесса, будучи склонным к имитации, симуляции, конструированию или даже пародированию истории — основным методом работы с прошлым и формой его творческого переосмысления в текстах писателя стала деконструкция. В. Шаров был чрезвычайно активен в попытках как синтеза, так и различных исторических и неисторических жанров — в этой интеллектуальной ситуации В. Шаров имитировал и симулировал нарративы, в одинаковой степени характерные как для художественной прозы, так и академического дискурса, что позволяло писателю в рамках одного текста сочетать особенности, характерны для различных форм наррации. Универсальной формой исторического воображения, которое имело ревизионистский и частично альтернативный характер, в прозе В. Шарова стали интеллектуальные практики и стратегии, основанные на деконструкции через конструкцию, что не только предусматривало, но и фактически санкционировало (де)мифологизацию через (де)мифологизацию мифов российской исторической памяти, а также (де)сакрализации через (де)сакрализацию религиозных идеологем, которые определяли основные векторы и траектории функционирования исторического воображения в предшествующей российской литературной традиции.

Литература:

- AŠČEULOVA, I. V.: *Semejnaja chronika kak formirovanije istoričeskoj pamjati pokolenij v romane V. Šarova «Sled v sled»*. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, 2013, № 2 (130), s. 48–53.
- KIŘČANAŮ, M. V.: *Topas ruchu jak pastajannaha vjartannja ŭ proze ruskaha i belaruskaha postmadèrnizmu (na prykladze tèkstaŭ Uladzimira Šarova i Viktara Marcinoviča)*. In: ARCJAMENAK, H. A.: *Belaruskaja mova i litaratura ŭ slavjanskim ètnakul'turnym kantèksce*. Vicebsk: VDU imja P. M. Mašërava, 2019, s. 166–169.

³⁷ Там же, с. 45.

- LASTOŤSKĪ, A.: *Prapracovka kamunistyčnaha minulaha ŭ Slavakii: asnoŭnyja faktary i dynamika*. Palityčnaja sfera, 2016, № 24 (1), s. 37–55.
- LINDNER, R.: *Njazmennasc' i zmeny ŭ postsaveckaj historyjahrafii Belarusi*. Kantakty i dyjalohi, 1996, № 3, s. 21–25.
- Navuka i stratèhii pracy z minulym. Dyskusija ŭ mežach seminara «Sučasnaje belaruskaje myslenie»*. Īnštytut sacyjalohii, Īnštytut filasofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda. Palityčnaja sfera, 2006, № 6, s. 44–48.
- USMANOVA, D.: *Sozdavaja nacional'nuju istoriju tatar: istoriografičeskiye i intellektual'nyje debaty na rubeže vekov*. Ab Imperio, 2003, No 3, s. 337–360.
- ĪPŠTEJN, M.: *Letopisec Svjaščennoj istorii*. In: ŠAROV, V.: Perekrestnoje opylenie: vremja, mesto, ljudi. Sbornik èsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 277–283.
- ŠAROV, V.: *Voskrešeniye Lazarja*. Moskva: Vagrius, 2003.
- ŠAROV, V.: *Meždu dvuch revolucij (Andrej Platonov i russkaja revolucija)*. In: ŠAROV, V.: Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revolucijej (russkaja verchovnaja vlast'). Èsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 12–54.
- ŠAROV, V.: *O «Zapisnyh knižkach» Andreja Platonova*. In: ŠAROV, V.: Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revolucijej (russkaja verchovnaja vlast'). Èsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 58–67.
- ŠAROV, V.: *Ikona Svjatogo Georgija Pobedonosca s klejmami*. In: ŠAROV, V.: Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revolucijej (russkaja verchovnaja vlast'). Èsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 82–96.
- ŠAROV, V.: *Zapisi deda*. In: ŠAROV, V.: Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revolucijej (russkaja verchovnaja vlast'). Èsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 158–170.
- ŠAROV, V.: *O prošlom nastojaščego i buduščego*. In: ŠAROV, V.: Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revolucijej (russkaja verchovnaja vlast'). Èsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 232–238.
- ŠAROV, V.: *Verchovyje revolucii*. In: ŠAROV, V.: Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revolucijej (russkaja verchovnaja vlast'). Èsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 102–153.
- ŠAROV, V.: *Stolica i provincija: dva puti ponimanija žizni*. In: ŠAROV, V.: Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga vtoraja. Iskušeniye revolucijej (russkaja verchovnaja vlast'). Èsse. Moskva: ArsisBook, 2009, s. 73–78.
- ŠAROV, V.: *Vozvraščeniye v Jegipet. Roman v pis'mach*. Moskva: Izdatel'stvo AST — Redakcija Jeleny Šubinoj, 2015.
- ŠAROV, V.: *O Geke Komarove*. In: ŠAROV, V.: Perekrestnoje opylenie: vremja, mesto, ljudi. Sbornik èsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 81–93.
- ŠAROV, V.: *Perepiska Ivana Groznogo s Andrejem Kurbskim*. In: ŠAROV, V.: Perekrestnoje opylenie: vremja, mesto, ljudi. Sbornik èsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 135–168.

ŠAROV, V.: *O syr'jevych i nesyr'jevych stranach (pis'mo Aleksandru Ètkindu)*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenije: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik èsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 182–196.

ŠAROV, V.: *Izbrannaja proza v trech knigach. Kniga tret'ja. Do i vo vremja*. Moskva: ArsisBook, 2009.

ŠAROV, V.: «*Ja prožil žizn'...*». In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenije: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik èsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 197–243.

ŠAROV, V.: *Oktjabr' semnadcatogo goda i konec istorii*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenije: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik èsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 197–243.

ŠAROV, V.: *Bal u satany (jego èstetika i ètika)*. In: ŠAROV, V.: *Perekrestnoje opylenije: vremja, mesto, ljudi*. Sbornik èsse. Moskva: ArsisBook, 2018, s. 169–181.

About the author

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University, Faculty of International Relations, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Historical Faculty, Department of Foreign Countries History and Oriental Studies, Voronezh, Russia

maksymkyrchanoff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.